

ОСОБЕННОСТИ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ ГОРОДОВЫХ МАГИСТРАТОВ КУРСКОГО НАМЕСТНИЧЕСТВА ПО ОХРАНЕ СЕМЕЙНОГО БЛАГОЧЕСТИЯ В ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII ВЕКА

И. С. Ефремова

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Поступила в редакцию 14 марта 2019 г.

Аннотация: *статья затрагивает ключевые аспекты деятельности магистратов по поддержанию стабильности внутрисемейных отношений. Воспитание достойных граждан не представлялось возможным без тесного взаимодействия между институтом семьи и государством. Анализ судебной практики магистратов приводит автора к выводу о постепенном превалировании юридических методов регулирования внутрисемейной морали над духовными.*

Ключевые слова: *духовная консистория, Домострой, секуляризация сознания, блудодечение, мораль.*

Abstract: *the article touches upon the key aspects of the activity of undergraduates to maintain stability of family relations. Education of worthy citizens was not possible without close interaction between the institution of the family and the state. The analysis of judicial practice of undergraduates leads the author to the conclusion about the gradual prevalence of legal methods of regulation of family morality over spiritual ones.*

Key words: *Spiritual Consistory, Domostroy, secularization of consciousness, fornication, morality.*

Э. В. Сайко именует город «носителем» культурного содержания естественного исторического процесса [1, с. 9]. Во все времена он являлся не только оплотом политической и экономической жизни государства, но и символизировал зарождение особой социальной корпорации – купеческо-мещанской общины. С начала XVIII в. секуляризация общественного сознания постепенно искореняла вековой традиционализм российского социума. Изменения, навеянные европеизацией, затронули все сферы жизни, включая институт семьи. Распространение образования и расширение внешнеторговых контактов способствовали ослаблению патриархального догматизма в угоду светскому началу.

Нормы семейной морали, закрепленные Кормчей книгой 1650 г., Священным Писанием и Домостроем, дополнялись царскими указами и кодексами [2, с. 56]. До реформ Петра I прерогативой гражданского законодательства в брачной сфере оставались вопросы наследства и сословного состояния [3, с. 112, 114]. Нравственные аспекты, затрагивавшие межличностные отношения между супругами, родителями и детьми, долгое время находились в ведении церкви и разрешались в соответствии с ее канонами. При этом «страх Божий и государево крестное целование» Соборным уложением 1649 г. (далее – уложение) воспринимались тождественно и взаимодополняюще [там же, с. 46]. К последней четверти XVIII в. рефор-

мирование судебной системы поставило институт семьи в совместное ведение духовного и гражданского ведомств.

В соответствии с сословным критерием иски горожан по семейным вопросам рассматривали магистраты, совестные суды и духовные консистории. Анализ судебной практики свидетельствует в пользу особого внимания государства к институту брака. Крепкая семья считалась оплотом благосостояния города и служила залогом высоких нравственных качеств граждан. Не случайно магистраты составляли перечневые ведомости мещан и купцов «с семействами» [4, л. 6–7 об.]. Их основной целью был учет потенциальных налогоплательщиков, а также прогнозирование результатов рекрутских наборов. Поэтому «семьянистые» горожане пользовались большей благосклонностью властей. Такие граждане считались наиболее нравственными и материально стабильными. Как следствие, послужные списки воеводских и магистратских присутствий в обязательном порядке содержали графу о семейном положении служащих. В ней указывалось сословное состояние супругов и количество несовершеннолетних детей [5, л. 7 об. – 9; 6, л. 2 об. – 7 об.].

Неотъемлемым элементом охраны института семьи являлся надзор за благочестием брачных и родительских отношений. Апостол Павел писал: «Не льститеся: ни блудники..., ни прелюбодеи..., ни пьяницы..., ни оскорбители... в Царствие Божие не войдут» [7]. Такие проступки строго порицались обществом,

находя отражение и в светском, и в церковном праве. В 1-й половине XVI в. первым отечественным кодексом, апробировавшим библейскую мораль для мирского восприятия, стал «Домострой». Резюмируя византийский Номоканон, его автор назидал: «...кто злословит или порицает родителей своя... перед Богом грешен и перед народом проклят...» [8, с. 97], а «...коли блуд сотворит, обречется на муку вечную» [там же, с. 99]. Соборное уложение дополнило церковные санкции поркой батогами и заключением под стражу [3, с. 22, 23, 25, 46, 61]. В зависимости от бытовых обстоятельств производство по отдельным категориям дел имело свою специфику, которая отражала не только уровень правоприменения, но и степень социальных изменений.

В отношениях между супругами прежде всего осуждалось блудодеение, особенно со стороны женщин. С раннего возраста девочкам внушали, что бесчестье позорит семью, а выйти замуж «беспорочной» [8, с. 99] является «великим делом» [там же, с. 100]. К проявлениям мужской неверности общество относилось более благосклонно. Даже если объектом обвинения выступало лицо духовного сана, ответчик имел право на защиту в суде. В феврале 1785 г. бывший священник г. Яблонова Милский пожаловался в корочанскую ратушу на клевету мещанина А. Зайцова «...якобы в блуде духовника с женой однодворца Морозова» [5, л. 29]. Для ведения следствия из обоянского магистрата командировался ратман Г. Таковрев. Расплатой за обман стало телесное наказание [там же, л. 29 об.]. Посадской сход открыто порицал мужчин лишь в случае появления нежеланных наследников. Подобное осуждение носило чисто юридический характер, поскольку осложняло процесс раздела имущества. Моральный груз ложился на плечи незаконорожденных и их матерей, которые ущемлялись и в социальном, и в правовом аспектах. В соответствии со ст. 280 гл. X уложения дети, рожденных вне брака, лишались наследственных прав [3, с. 41]. Однако не все соглашались с этой позицией. В феврале 1781 г. в Курский совестный суд обратился отставной капрал И. Ф. Щетинин с жалобой на путивльскую помещицу И. В. Воропонову. Чтобы уравнивать в правах своего внебрачного сына, ответчица присвоила часть имени его покойного отца. Суд признал действия Воропоновой незаконными и конфисковал собственность [9, л. 3].

Провозглашенная церковью существом порочным, женщина требовала постоянного контроля сначала со стороны родителей, затем супруга. Благочестивое воспитание жен и дочерей являлось основной обязанностью отца семейства, не гнушавшегося для достижения цели рукоприкладством. Более того, подобные методы одобряла церковь [8, с. 99, 108], а гражданские суды не расценивали как полноценный

повод для иска. Так, в феврале 1781 г. в курский магистрат поступило прошение от присяжного палаты уголовного суда И. Иванова, желавшего сыскать его сбежавшую жену. По свидетельству хозяина постоянного двора Г. Пуховлитинова, у которого временно остановились супруги, истец неоднократно избивал спутницу, что и послужило причиной ее бегства [10, л. 514]. Однако суд проигнорировал факт побоев, возвратив ответчицу в семью. Выбор наказания представлялся на усмотрение священника местного прихода [там же, л. 519]. В то же время, если на членовредительство решалась супруга, такое обвинение рассматривалось как веский повод для возбуждения дела. В марте 1780 г. за попытку отравления мужа судили мещанку Ф. С. Пересветову. В соответствии с «Учреждениями для управления губерний...» (далее – Учреждения) тяжбы, касаемые взаимоотношений между родственниками, суды общей юрисдикции могли передавать на рассмотрение совестных судей [11, с. 276], что и было сделано в случае с Пересветовой. За отсутствием доказательств о попытке убийства ответчицу приговорили к порке [12, л. 520].

Городская среда, более благоприятная для культивирования просвещенного начала, постепенно искореняла штампы в отношении женщин. Эти изменения незамедлительно сказывались на практике судопроизводства. Уложение 1649 г. фактически не рассматривало мещанок как самостоятельных участников правоотношений. Если родители ответчика могли выступать в качестве обвинителей, то на жен налагался запрет даже в отношении свидетельства против супругов [3, с. 44]. Во многом ограничивались и их наследственные права [там же, с. 84]. После судебной реформы 1775 г. эти запреты постепенно начали ослабевать, сделав женщин менее безгласными. 22 октября 1784 г. в Святейший Синод поступила челобитная из Белгородской духовной консистории, содержащая обвинение в многомужестве обоянской мещанки Прасковьи Видовой [13, л. 536]. В объявлении на имя белгородского и обоянского епископа Аггея Синод предписывал: «...дело о браках гусарки Прасковьи с Видовым и при жизни его с Анофриевым и с Шумлянским в скорейшем времени решить на основании правил Святых отцов и государственных законов..., о чем рапортовать» [там же, л. 536 об.]. Поскольку обвиняемая принадлежала к мещанскому сословию, представителем гражданского суда выступил местный магистрат, куда препровождались вопросные пункты, составленные в консистории. На основании п. 158 и 173 гл. XX уложения [3, с. 40, 44] был произведен допрос фигурантов дела [13, л. 544]. В процессе следствия выяснилось, что, получив из Бахмутского гусарского полка письмо о смерти супруга, по прошествии трех месяцев Видова вступила в законный брак с Александром Анофриевым. Спустя

полгода к ней явился курский мещанин Александр Шумлянский, заявив о своих супружеских правах. В качестве доказательства гусар предъявил выписку из метрической книги [там же]. На допросе мещанин М. Филатьев засвидетельствовал, что означенный Шумлянский встречался с Видовым, который продал ему брачное свидетельство за 200 руб. [там же, л. 544 об.]. В итоге дело приобрело характер мошенничества и с согласия Синода полностью передавалось на рассмотрение курских городского и губернского магистратов. Стоит отметить, что смежность с духовной сферой наделяла его статусом «особой значимости», поэтому контрольно-апелляционной инстанцией выступал не II, а I департамент губернского присутствия [там же, л. 546]. Не игнорировались и требования церковной стороны. Помимо наказания в виде порки и общественных работ, на супругов Видовых и мещанина Шумлянского налагалась епитимья сроком на год [там же, л. 546 об.].

Анализ приведенного дела позволяет прийти к следующим выводам:

1) подобные случаи рассматривались духовными и гражданскими судами на принципах равноправного сотрудничества, которое проявлялось как в процессе следствия, так и посредством наложения санкций;

2) женщина и мужчина выступали как идентичные субъекты правоотношений;

3) отмечается превалирование гражданского судопроизводства над церковным. В то же время при вынесении приговора учитываются требования консистории.

Изменение правового статуса женщин имело свою специфику. Если в качестве свидетелей и ответчиков совершеннолетние мещанки могли выступать лично, то подать иск имели право не всегда. Определяющим фактором являлась имущественная состоятельность. Те из горожанок, кто обладал собственностью или самостоятельно вел торговлю, являлись активными участниками правоотношений. Так, рыльская купчиха Е. Иевлева выступала обвинителем по делу о склонении к блудодеянию ее дочери Екатерины [14, л. 66], обоянская мещанка Е. Равенкова обличала атамана из сл. Медвенки И. Еременкова в похищении ее сына [10, л. 163], а купеческая жена Е. Пчелина в отсутствие сына распоряжалась лавками умалишенного супруга [13, л. 672–674].

Однако не все женщины обладали коммерческим потенциалом. Если существовала опасность растраты семейного капитала, п. 185 гл. X уложения их предписывалось «давать на поруки» [3, с. 45]. Для вдов покровителей назначал местный сиротский суд с одобрения магистрата [там же, с. 261]. В подобных случаях опекун становился официальным представи-

телем мещанки, заключая сделки и выступая в суде от ее имени. Возвращению правосубъективности способствовало обретение имущественной самостоятельности. В сентябре 1799 г. с такой просьбой в Обоянский городской магистрат обратилась купеческая вдова Екатерина Бордунова. После ревизии счетов ее опекун А. Л. Разумов от обязанностей по надзору за именем освобождался [15, л. 7].

В целом, официальными представителями замужних горожанок по имущественным и правовым вопросам выступали их супруги. Если купчиха И. Быканова на оскорбление мещанки Ф. Сухановой жаловалась самостоятельно [16, л. 7], то иск об избиении горожанки Е. Дурнобраговой подал ее муж [17, л. 5]. Больше свободой обладали те, кто превосходил супруга по статусу. В частности, жена курского купца 2-й гильдии Варвара Попова по предъявлении справки о дворянском звании лично занималась оформлением купчей на отцовское имение [18, л. 192–194].

Не меньшее порицание общественности вызывало неуважение к родителям и старшим членам семейства. Церковь назидала «почитать и беречь отца и мать и повиноваться им во всем» [8, с. 100]. А гл. XXII Соборного уложения предписывала «...таких забывателей закона Христианского бить батогами» [3, с. 154].

В делопроизводстве магистратов Курского наместничества подобные тяжбы можно разделить на несколько категорий. Прежде всего, это случаи прямого оскорбления, проявлявшиеся в рукоприкладстве и словесных перепалках. 28 августа 1781 г. в курский магистрат поступило прошение от купца П. И. Ишунина, требовавшего заключить под стражу его сына Николая, который «...ежедневно обращается в шумстве и пьянстве и в неистовстве и чинит непотребности, противные чести...» [12, л. 718]. Решением суда ответчик приговаривался к порке и 7 дням общественных работ. Ответственность за исполнение наказания возлагалась на городничего Балобонова [там же, л. 720]. Во втором случае родители жаловались на излишнюю беспечность своих чад, угрожавшую целостности семейного капитала. В марте 1780 г. курская мещанка А. М. Медведева просила суд об отправке в смиренный дом ее сына, который в уплату карточных долгов раздал большую часть унаследованного имущества [19, л. 3]. Третья категория дел касалась пренебрежения детьми обязанностями по содержанию престарелых родителей. В п. 5 гл. XXII уложения за подобный проступок предусматривалось «нещадное» телесное наказание [3, с. 154]. Но боязнь санкций не останавливала нарушителей. 1 мая 1789 г. в обоянский магистрат обратился купец Т. Г. Сотников с жалобой на сына Михаила, который, «...забыв правила Святых Отцов и законные положе-

ния...» [20, л. 1], вышел из его послушания и заставил «...при старости... лет нуждаться и нести в пропитании и в прочем лишения» [там же]. Пока шло следствие, фигуранты дела пришли к консенсусу самостоятельно, о чем Сотников незамедлительно сообщил в магистрат: «...сын мой, вспомня Бога, ...проявил ко мне снисходительное почтение, чем я от него доволен, а потому и претензию свою оставляю» [там же, л. 7].

Таким образом, делопроизводственная практика гражданских судов в очередной раз подчеркивает значимость института семьи для государства. Благоприятные отношения между супругами служили гарантией воспитания достойных членов общества, способных верой и правдой служить Царю и Отечеству. Секуляризация сознания вносила свои коррективы в отношения между государством и церковью, однако в назидании за институтом брака они предпочитали действовать сообща. Судебная реформа последней четверти XVIII в. не только структурировала сам судебный процесс, но и заложила основы гуманизма и гендерного равенства. Впервые женщина стала позиционироваться как самостоятельный субъект права, способный отвечать за свои поступки перед судом и заведовать хозяйством. Наиболее ярко эта тенденция проявлялась в городах, где мещанки воочию демонстрировали свои успехи на коммерческом поприще. Вековой догматизм русского социума замедлял переход от традиции к праву. В отношении семейных тяжб это выражалось в симбиозе церковных и светских норм права. Намотившийся разрыв между данными сферами требовал постоянного совершенствования нормотворчества и модернизации общественного сознания.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Ефремова И. С., аспирант кафедры российской истории и документоведения
E-mail: efremova.i.s2012@gmail.com

ЛИТЕРАТУРА

1. Сайко Э. В. Город как особый организм и фактор социокультурного развития / Э. В. Сайко // Город как социокультурное явление исторического процесса. – М. : Наука, 1995. – С. 9–21.
2. Цатурова М. К. Русское семейное право XVI–XVIII вв. / М. К. Цатурова. – М. : Юрид. лит., 1991. – 112 с.
3. Уложение от 29 января 1649 г. № 1 // Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗРИ). Собрание первое : в 45 т. – СПб., 1830. – Т. I. 1649–1675. – С. 1–161.
4. Государственный архив Курской области (далее – ГАКО). – Ф. 236. – Оп. 1. – Д. 79.
5. ГАКО. – Ф. 236. – Оп. 1. – Д. 35.
6. ГАКО. – Ф. 757. – Оп. 1. – Д. 9.
7. Первое послание к коринфянам святого апостола Павла // Новый завет. – Режим доступа: http://days.pravoslavie.ru/bible/b_1-kor6.htm
8. Домострой // Литературные памятники / под ред. В. В. Колесова, В. В. Рождественской. – СПб. : Наука, 1994. – С. 88–133.
9. ГАКО. – Ф. 123. – Оп. 1. – Д. 95.
10. ГАКО. – Ф. 108. – Оп. 8. – Д. 88.
11. Учреждения для управления губерний Всероссийской Империи от 7 ноября 1775 г. № 14392 // ПСЗРИ. Собрание первое : в 45 т. – СПб., 1830. – Т. XX. 1775–1780. – С. 229–306.
12. ГАКО. – Ф. 108. – Оп. 8. – Д. 171.
13. ГАКО. – Ф. 108. – Оп. 8. – Д. 339.
14. ГАКО. – Ф. 108. – Оп. 8. – Д. 90.
15. ГАКО. – Ф. 236. – Оп. 1. – Д. 668.
16. ГАКО. – Ф. 236. – Оп. 1. – Д. 465.
17. ГАКО. – Ф. 236. – Оп. 1. – Д. 109.
18. ГАКО. – Ф. 236. – Оп. 1. – Д. 163.
19. ГАКО. – Ф. 123. – Оп. 1. – Д. 214.
20. ГАКО. – Ф. 236. – Оп. 1. – Д. 274.

Belgorod State National Research University
Efremova I. S., Post-graduate Student of the Department
of the Russian History and Records Management
E-mail: efremova.i.s2012@gmail.com